

УДК 811.161

ЭКСКУРС В ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ ЭТНОНИМА «ЧУКЧА»

Михаил С. Тейкин^{a, @, ID}

^a Северо-Восточный государственный университет, 685000, Россия, г. Магадан, ул. Портовая, 13

@teikin-ms@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-3545-3192>

Поступила в редакцию 18.04.2018. Принята к печати 12.09.2018.

Ключевые слова: луораветлан, ораветлан, народы Севера, общие этнонимы, региональные этнонимы, изменения этнонимов, Северо-Восток России, Чукотка

Аннотация: Народы Севера, несмотря на свою малочисленность, имеют не одно, а, как правило, несколько имён – самоназвания отдельных групп и наименования, данные соседями; все они употребляются с различной частотой. В статье рассматривается эволюция графической передачи этнонима *чукча* с момента его первого появления в письменных источниках середины XVII в. и до окончательного закрепления правописания данного этнонима в начале XIX в., подкреплённого упоминанием в законодательных актах. Рассмотрен вопрос региональных наименований чукчей, а также причина, почему в русский язык в качестве общего вошёл именно такой этноним. Освещены особенности склонения слова *чукча* в недавнем прошлом. Автором исследуется попытка переименования чукчей в луораветланов, предпринятая советской властью в довоенный период, проводившаяся в контексте смены этнонимов многих народов СССР. В заключение указываются наиболее вероятные причины, почему новое название для чукчей не привилось и, просуществовав немногим более десятилетия, вышло из общего употребления.

Для цитирования: Тейкин М. С. Экскурс в лингвистическую историю этнонима «чукча» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4. С. 247–254. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-247-254>

Введение

Этнонимика Северо-Востока России в ретроспективном аспекте представляет до сих пор не изученную широко тему. В отличие от лингвистического пространства региона, являвшегося объектом исследования ряда учёных прошлого (из самых известных следует назвать В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона), изучение этнонимов носило, как правило, описательный характер, без разбора их преобразований и изменений. Объясняется это тем, что основным предметом исследований учёных являются языки малочисленных народов Севера, этнографические особенности, фольклор; этнонимы служат большей частью лишь способом обозначения в научных трудах этносов и субэтнических групп, с разборкой их этимологии, но без подробного упоминания их видоизменений в русском языке в разные эпохи.

Между тем для ономастики представляет интерес изучение названий народов в прошлом и настоящем, поскольку это помогает не только проследить эволюцию имени, но и найти лингвистические связи между неродственными соседними этносами, обнаружить места предыдущего

обитания народов, выявить культурное взаимодействие и языковые заимствования.

Настоящая статья посвящена этнонимии чукчей. Целью является исследовать названия данного народа, проследить за их изменением в русском языке, дать лингвистическую оценку фактам.

Автором изучены письменные исторические памятники и документы, работа основывалась на трудах ведущих учёных прошлого и современности в данной области. Орфография и пунктуация приведённых источников не изменяется.

Закрепление в русском языке этнонима *чукча*

Чукчи – малочисленный народ, издревле проживающий на Северо-Востоке России. Первые контакты русских с чукчами произошли в середине XVII в. В 1642 г. казак Иван Родионович Ерастов обнаружил чукчей к западу от Колымы на р. Алазее. В челобитной, составленной в период с сентября 1645 г. по июль 1646 г., Ерастов указал, что их встретили алазейские люди, «а съ ними были съ тундры чюхчи мужики съ своими роды и улусными людьми. <...> И тѣ, государь, иноземцы, алазѣйскіе¹ юагири и чюхчи, въ твоёмъ, государева, ясакъ отказали» [1, с. 57; 2, с. 54]. Это первая

¹ Этимологически правильно – алазейские.

документально подтверждённая встреча русских с чукчами. Всего новый этноним употребляется в документе два раза.

Михаил Васильевич Стадухин, русский землепроходец и исследователь Северо-Востока, также в числе первых столкнулся с незнакомым ранее народом и оставил письменные свидетельства о встрече. Сохранились его расспросные речи, датируемые 1647 г. Со слов М. В. Стадухина записано: «а по той де рѣкѣ Чюхчѣ живутъ иноземцы свой же родъ, словутъ Чюхчи, таже что и Самаядь, оленные сидячие жь»². В. Г. Богораз отмечает интерес расспросных речей и указывает: «В первый раз упоминается имя "чюхчи"» [3, с. 33]. Челобитная Ивана Ерастова всё же была написана как минимум на два года раньше расспросной речи М. В. Стадухина. Видимо, первый документ был не так широко известен; кроме того, в расспросной речи новый народ описывается весьма подробно, а не упомянут вскользь. Всё это свидетельствует, что именно в 40-е гг. XVII в. русские впервые столкнулись с неизвестным доселе народом и письменно зафиксировали его имя.

В расспросной речи М. В. Стадухина этноним записан в виде *Чюхчи*, один раз встречается написание через *у* («и тѣ де Чухчи»), причём слово склоняется всего один раз («а та жонка жила у тѣхъ мужиковъ у Чухчей три годы»), в остальных случаях флексия не изменяется («что они у тѣхъ Чюхчи тотъ моржевый зубъ видали», «у тѣхъ де Чюхчи соболя нѣтъ»³). Данное обстоятельство косвенно подтверждает слова В. Г. Богораза о первом упоминании этнонима: очевидно, для составителя документа, записывавшего слова М. В. Стадухина, слово было новое и необычное, ранее в русской речи не употреблявшееся; отсюда такое странное грамматическое оформление.

Позднее этноним стали передавать в соответствии с современным видом – *чукчи*. Хотя в XVIII в. можно встретить графическое оформление, соответствующее произношению, – *чюкчи*. Например, в «Показании якутского служилого человека Петра Попова, посланного в Чукоцкую землю для собрания сведений о тамошних жителях и призвания их в ясачный платёж», датированном 1711 г., сказано, «чтобы они Чюкчи платили въ казну великого государя ясакъ соболи и всякіе лисицы и кость

моржеваго зубья», «и въ то де время они Чюкчи имь русскимъ людемъ никакова ясаку не платили»⁴. Там же встречается написание *Чюкчио* и *Чюкочь*; всё это говорит о том, что писец следовал нормам произношения.

В промемории капитана Д. И. Павлуцкого в якутскую канцелярию от 10 февраля 1732 г., приводимой А. К. Нефёдкиным, орфография этнонима непоследовательна – слово пишется как через *у*, так и *ю* буквально в одном предложении: «И от того де их чукоцкого воровского нахождения они, коряки, и паки раззорились вконец и отстали от ясачного платежа; и чтоб их, коряк, в партию принять и на немирных чукокч взять с собою, и от нахождения чукоцкого охранить» [4, с. 39].

Позднее, в середине XVIII в., этноним встречается преимущественно в написании *чукчи*. Так, С. П. Крашенинников орфографически точен⁵; он пишет: «Чукчи[,] живущей въ Чукоцкомъ носу[,] немирной народъ, называется также испорченнымъ именемъ *Чаучу*» [5, с. 5–6]. По мере закрепления орфографической нормы – в XIX в. – написание через *ю* выходит из употребления.

Этноним *чукча*, обозначающий в русском языке представителей целого народа, происходит от чукотского слова *чаучу* ‘богатый оленями, оленевод’ (в транскрипции Международного фонетического алфавита (МФА) – *saʊsəw*) [6, с. 220]. Таким именем называли себя чукчи-олленеводы, кочующие в глубь материка, в противоположность сородичам, живущим у моря и разводящим собак, кои именовались *аунальыт* [цит. по: 4, с. 3], в ед. ч. *аунальын* (в транскрипции МФА – *aŋqalʔən*) ‘приморский житель, помор’⁶ [6, с. 220]. М. Ю. Пупынина отмечает, что деление на «приморских чукчей» и «олленеводов» по-прежнему актуально [7, с. 253]. До сих пор чукотский лексикон содержит слово *чавчыыв* (мн. *чавчыыват*), означающее ‘чукча-олленевод; богатый оленевод’⁷. Следует отметить, что этноним *чукчи* был выбран в качестве общего обозначения целого народа неслучайно: русские позаимствовали *чаучу* у якутов и эвенов (ламутов), поскольку два последних народа так именовали своих воинственных соседей, а затем видоизменили слово и приняли в свой язык.

² Расспросные речи служилого человека Михаила Стадухина, о реках Колыме и Чюхче, о живущих по ним инородцах и о неизвестном острове на Ледовитом океане, близ устья реки Колымы // Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археологической Комиссией. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1848. Т. 3. С. 99.

³ Там же, с. 100.

⁴ Показание якутского служилого человека Петра Попова, посланного в Чукоцкую землю для собрания сведений о тамошних жителях и призвания их в ясачный платёж // Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография М. В. Д., 1882. С. 457.

⁵ Следует отметить, что С. П. Крашенинников прав, связывая этноним чукча с чукотским чаучу, лишь исходное слово и производное перепутаны местами.

⁶ Инэликэй П. И. Словарь чукотско-русский и русско-чукотский. 3-е изд., перераб. СПб.: Дрофа, 2006. С. 17.

⁷ Чукотско-русский словарь / сост. Т. А. Молл, П. И. Инэликэй; под ред. П. Я. Скорика. Л.: Учпедгиз, 1957. С. 142.

Наряду с двумя основными региональными этнонимами (*чаучу* и *ауҕаҕыһы*), самими чукчами употребляются и иные наименования. Например, колымские чукчи отделяют себя от чукчей Чукотки и называют последних *гоҕуаҕ'ат* 'относящиеся к той стороне реки'. Говоря о чукчах Чукотского автономного округа, колымские чукчи подразумевают, прежде всего, чукчей Билибинского района, с которыми имеют постоянные контакты [7, с. 257–258]. Впрочем, такие названия широкого хождения не имеют, в русском языке представлены исключительно на региональном уровне и неизвестны большинству носителей.

Чаучу – региональный чукотский этноним. В русском языке он стал общим, видоизменившись в такой степени, чтобы приобрести возможность изменяться по числам, родам и падежам.

Этноним *чукча* прочно вошёл в русский язык в XVII в. в виде *чюхча*, затем немного преобразился ($x > \kappa$), пережил орфографическую двойственность *чукча* ~ *чюкча* в XVIII в. и затем уже не терпел никаких-либо изменений.

Хорошим образцом употребления терминов являются законы и иные нормативные акты, а также различные распоряжения, уведомления и прочие официальные бумаги, исходящие от высших органов власти: данные источники отражают реалии современности и подчиняются принятым языковым правилам и устоявшейся практике словоупотребления. В нормативных документах XIX в. встречаем то же правописание этнонима *чукча*, что и теперь. Так, в Уставе «Об управлении инородцев» указывается: «§ 5. Чукчи и Зюнгорские двоеданцы, поелику въ образѣ ихъ отношеній къ Россіи разнствуютъ отъ всѣхъ прочихъ, составляютъ особой разрядъ», «§ 78. Чукчи платятъ дань по собственному произволу, какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ»⁸.

Других этнонимов для обозначения всей общности народа чукчей, коренным образом отличающихся от общепринятого, до второго десятилетия XX в. не применялось. Каких-либо веских причин изменять наименование народа не имелось: этноним в русском языке хорошо дифференцировал чукчей от других этносов.

Попытка замены этнонима

После Октябрьской революции началась кампания по внесению изменений в наименования народов СССР вообще и народов Севера в частности. Власти старались, чтобы этнонимы по-русски звучали так же или максимально близко к тому, как представители того или иного народа называют себя на своём языке. Не избежали этого и чукчи.

В «Народах Сибири» указывается постфактум: «В 1929–1930 гг., при разрешении вопроса о названиях малых народностей Севера, в качестве общего для чукчей было принято название *лыгьборавэтли*, трансформированное по-русски *луораветлан*, *луораветланы*» [8, с. 896].

Действительно, если подходить к вопросу строго формально, этноним *чукча* ведёт своё происхождение не от самоназвания, присущего всему народу, а от регионального обозначения этнографической группы в соответствии с хозяйственной деятельностью. Правда, этимология этнонима не могла служить веской причиной для того, чтобы изменять наименование целого народа; кроме того, именование одного народа другими (экзоэтнонимом) далеко не всегда совпадает с самоназванием (эндоэтнонимом), чему и в прошлом, и в современных реалиях можно найти множество примеров. Тем не менее власти решили императивным путём заменить этноним *чукча* на самоназвание, посчитав, что последнее более подходяще. Это была общая тенденция тех лет – заменять старое на новое, коснулась она и народов Крайнего Севера.

В. Г. Богораз в предисловии к русскому изданию монографии «Чукчи», вышедшей в свет в 1934 г., замечает: «Обозревая в настоящее время свои материалы о чукчах, я могу сказать, что они относятся ещё к XIX веку и представляют эпоху, отошедшую в прошлое. Самое название этого народа успело измениться. И чукчи именуется ныне по собственному самоназванию *лу-ораветланами* (именно через дефис. – М. Т.), что означает в буквальном переводе «настоящие люди». При царском режиме чукча и другие народности вообще не считались людьми, а только «людишками». Они называются чукчами в государственных актах, а в просторечии русские казаки и чиновники давали им презрительные, уменьшительные клички: чукчишки и т. д.» [3, с. XIV].

В. Г. Богораз в составленном им «Кратком путеводителе по выставке "Чукотское общество"» указывает: «Чукчи – как они называют себя "ораветланы" – обитают в пределах нынешнего Чукотского национального округа» [9, с. 3].

В данном издании выдерживается последовательность употребления терминов *чукча* и *ораветлан*: первый – для прошлого, второй – для настоящего времени. Составителем путеводителя не делается попытка экстраполяции нового этнонима на предыдущую эпоху. В описании дореволюционного периода, включая типы хозяйств и социальную организацию, употребляется слово *чукчи* и производные от него. В отношении официальных и полуофициальных (Чукотка) названий, как появившихся в советское время (Чукотский национальный округ), так

⁸ Устав «Об управлении инородцев» // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание 1-е. Т. XXXVIII. 1822–1823. [СПб.:] печатано в Типографии II Отделения Собственной его императорского величества Канцелярии, 1830. С. 394, 399.

и употреблявшихся ранее (Чукотская Земля), применение которых не предполагает возможности разночтений, также последовательно выдерживается исключительное употребление производных от слова *чукча* (по всему тексту). То же относится к прилагательным, образованным не от наименования народа, а от названия региона / местности: *чукотское хозяйство* [9, с. 20]. Применительно же к современности (послереволюционный довоенный период) используется этноним *ораветлан*. Например: «Ораветланский язык должен стать языком суда и управления», «Подготовка ораветланских кадров является решающей задачей» [9, с. 21].

Правда, наблюдается вкрапление этнонима *чукча*, встречающееся два раза: в одном случае сказано, что «в Хабаровске, Москве и Ленинграде в вузах и втузах появились студенты-чукчи» [9]; несмотря на неоднократное употребление словосочетания *ораветланский язык*, использовано наречие *по-чукотски* [9, с. 22] – после упоминания о ликвидации безграмотности среди ораветланского населения, но до указания на появление новых терминов в ораветланском языке. В заключение делается вывод, что преодоление старых социальных пережитков осуществляется не только в экономике, но и в сознании трудящихся ораветланов [9]. Таким образом, имеется всего два вкрапления производных от этнонима *чукча* применительно к новой эпохе. Трудно сказать, чем это вызвано, возможно, имела место недостаточная редакторская доработка текста по единообразию употребления нового этнонима применительно к современным реалиям. Кроме того, напрашивается вывод об искусственности введения в русский язык нового названия для народа, на протяжении длительного времени широко известного под совершенно иным именем.

Представляет интерес особенность склонения этнонима в недавнем прошлом. После революции и вплоть до конца 1930-х – начала 1940-х гг. существительное множественного числа *чукчи* в родительном и винительном падежах стало часто употребляться в форме *чукоч*. Впоследствии – после войны – форма *чукчей* получила исключительное распространение и стала единственной в употреблении на практике.

До революции использовались оба варианта – с преимуществом в пользу *чукчей*. Так, А. И. Аргентов употребляет исключительно форму *чукчей* [10,

с. 82, 87–90, сл.; 11, с. 10–14, 24, сл.; 12, с. 10–11, 15, сл.]. У А. И. Аргентова не встречается употребление этнонима *чукчи* в родительном и винительном падежах в виде *чукоч*. Ф. Врангель также отдаёт явное предпочтение форме *чукчей* [13, с. 8, 12, сл.].

В. Г. Богораз назвал изданный в 1901 г. труд «Очерк материального быта оленных чукчей» и везде в нём употребил форму, соответствующую заголовку [14, с. 5, 7–8, сл.]. Хотя в «Материалах по изучению чукотского языка», изданных на год раньше, В. Г. Богораз использует вариант *чукоч* [15, с. I, III, V, сл.].

Форма *чукоч* была характерна скорее для XVII и XVIII веков. Например, в цитированном выше «Показании якутского служилого человека Петра Попова» в родительном и винительном падежах этноним выглядит именно так, причём с ерем на конце вместо ера: «велѣно де ему Петру съ товарищи идти изъ Анадырскаго острогу внизъ по Анадырю рѣкъ и собрать въ казну великаго государя ясакъ съ рѣшныхъ Чюкочь, <...> а отъ устья Анадыря рѣки велѣно де ему Петру съ товарищи идти въ Нось и провѣдывать немирныхъ Чюкочь»⁹.

Ещё более редкой является форма *чукч* – без беглого *о*. Такой вариант использовался А. В. Олсуфьевым в [16].

После революции наметилась тенденция шире использовать форму *чукоч*; В. Г. Богораз следовал такому принципу. В авторизованном переводе монографии «Чукчи», изданном в 1934 г., применяется исключительно форма *чукоч*. Даже четвёртый том «Толкового словаря» Д. Н. Ушакова, вышедший в 1940 г., в качестве альтернативы форме *чукчей* приводит только вариант *чукч* (не *чукоч*), относя его к более редким¹⁰. Впоследствии форма *чукоч* вышла из широкого употребления: «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томе, выпущенном в 1965 г., в родительном падеже приводит только форму *чукчей*¹¹.

Интересно, что и предисловие к первой части авторизованного перевода «Чукоч»¹², и «Краткий путеводитель» написаны и изданы в 1934 г., однако этноним, близкий к самоназванию *чукчей*, приводится в обоих изданиях различно. Это объясняется тем, что в чукотском языке употребляется два слова для самоназвания народа:

⁹ Показание якутского служилого человека Петра Попова, посланного в Чукоцкую землю для собрания сведений о тамошних жителях и призвания их в ясачный платёж // Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. 1700–1713. СПб.: Типография М. В. Д., 1882. С. 457.

¹⁰ Толковый словарь русского языка: в IV т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. Т. IV. Стб. 1305.

¹¹ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 17. Стб. 1194.

¹² Поскольку книга была издана в период господства устарелой ныне флексии *чукоч* (нулевое окончание с появлением беглого *о* в корне), единственно употребляемой автором монографии после революции вообще и в частности в вышеупомянутом труде, целесообразно склонять название книги так, как склонял этноним *чукчи* Б. Г. Богораз.

1) *о'равэтъяат* 'люди' – в ед. ч. *о'равэтъяан*¹³, что нашло отражение в слове *ораветлан*, употребляемом в «Кратком путеводителе» [9];

2) *лыгьоравэтъяат* 'настоящие люди' – в ед. ч. *лыгьоравэтъяан*¹⁴ (транскрипция МФА – *lɔʊʔorawətʃan*), в русской передаче *луораветлан*.

Таким образом, в одном случае в качестве нового этнонима предполагалось использовать слово в значении 'человек', в другом – 'настоящий человек'. В. Г. Богораз в «Чукчах» пишет *лу-ораветлан* через дефис, поскольку похожим образом это слово даётся им в «Луораветланско-русском словаре»: *lu-oráwetlan* (сущ.) *чукча* (букв., настоящий человек)¹⁵, хотя чукотско-русские словари¹⁶, изданные позднее, приводят слово *лыгьоравэтъяан* без дефиса.

Причины сохранения прежнего этнонима

Несмотря на попытку внедрить в русский язык этноним *луораветлан*, предпринятую во второе десятилетие советской власти, успехом она не увенчалась. По мнению автора статьи, этому есть несколько причин.

Во-первых, этноним *чукчи* устоялся в русском языке. Эвены и эвенки, ранее именовавшиеся ламутами и тунгусами соответственно, зачастую этнически не дифференцировались и объединялись под общим этнонимом *тунгусы*; данный факт не мог не сыграть в пользу того, чтобы дать двум народностям новые наименования в русском языке. Чукчи же чётко разграничивались от иных этносов, поэтому у исследователей не возникало путаницы при описании и изучении данного народа. Правда, А. К. Нефёдкин справедливо отмечает: «До XIX в. в русских источниках эскимосы не выделяются в отдельный этнос, а просто именуются "сидячими чукчами"» [17, с. 34]. По предположению А. А. Бурькина, это происходило оттого, что эскимосы вели свои переговоры по-чукотски [18, с. 216–217]. Н. Б. Вахтин в подтверждение версии А. А. Бурькина замечает: «чукотский вообще был, по-видимому, чем-то вроде *lingua franca* для всего огромного региона от Берингова пролива до Колымы и от Северного Ледовитого океана до Пенжинской губы» [19, с. 347]. При таких обстоятельствах русские, в XVII и XVIII вв. поверхностно знакомые с местными народами, могли воспринимать как чукчей всех говорящих по-чукотски. По словам А. К. Нефёдкина, отождествление эскимосов с оседлыми чукчами имело место лишь до начала XIX в. [17, с. 35]; с тех пор наука шагнула далеко

вперёд и провела чёткие этническую, этнографическую и лингвистическую грани между двумя народами, получившими в русском языке собственные этнонимы.

Во-вторых, переименовали только чукчей, но не административно-территориальные единицы и топонимы. К примеру, 1930 г. был образован Охотско-Эвенский национальный округ с Северо-Эвенским районом в его составе; данные топонимы сыграли определённую роль в вытеснении этнонима *ламут* и замене его на новый – *эвен*. Новые топонимы, образованные от этнонимов *луораветлан* или *ораветлан*, на карте не появились; в то же время широко были представлены наименования, производные от этнонима *чукча*. Чукотский полуостров, названный так в 1728 г. В. Берингом по имени населявшего его народа, советской властью переименован не был – насколько известно, на официальном уровне не предпринималось даже таких попыток. Уже один данный факт способствовал сохранению прежнего этнонима. Кроме того, постановлением ВЦИК от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» был создан Чукотский национальный округ (ныне – Чукотский автономный округ); тремя годами ранее на территории Чукотского полуострова образован Чукотский район. Далее: в середине 1930-х гг. – в тот период, когда В. Г. Богораз писал, что чукчи именуются *луораветланами*, – постановлением ЦИК СССР от 27.06.1935 закреплено официальное название *Чукотское море* (выделено из состава Восточно-Сибирского моря). Законодатель не вводил термин *луораветлан* в топонимику Северо-Востока, не фигурирует он и в нормативных актах тех лет, касающихся народов Крайнего Севера.

В-третьих, при переписях населения в графе «Национальность» указывалось *чукча*, а не *луораветлан*. Неслучайно в «Народах Сибири» сказано: «Однако в статистике и во всех вообще официальных документах (записи в паспорте и пр.) применяют термин *чукча* (ж. р. *чукчанка*); только в Нижнеколымском районе Якутской АССР термин *луораветлан* привился в официальной статистике, но и там он совершенно не употребляется в живой речи» [8, с. 896]. Статистические данные могут не отражать сведения об употреблении этнонима – они лишь фиксируют количество представителей определённого народа. В той же книге страницей ниже упоминается, что по переписи 1926–1927 гг. в Нижнеколымском районе

¹³ Инэнликэй П. И. Словарь чукотско-русский и русско-чукотский. 3-е изд., перераб. СПб.: Дрофа, 2006. С. 80; Чукотско-русский словарь / сост. Т. А. Молл, П. И. Инэнликэй; под ред. П. Я. Скорика. Л.: Учпедгиз, 1957. С. 97.

¹⁴ Инэнликэй П. И. Словарь чукотско-русский и русско-чукотский. 3-е изд., перераб. СПб.: Дрофа, 2006. С. 61.

¹⁵ Богораз В. Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь / под ред. С. Н. Стебницкого. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. С. 113.

¹⁶ Инэнликэй П. И. Словарь чукотско-русский и русско-чукотский. 3-е изд., перераб. СПб.: Дрофа, 2006. 255 с.; Чукотско-русский словарь / сост. Т. А. Молл, П. И. Инэнликэй; под ред. П. Я. Скорика. Л.: Учпедгиз, 1957. 196 с.

жило всего около 300 чукчей. При такой малочисленности этнической группы и удалённости её от остальной части народа местные власти с высокой долей вероятности могли указывать в статистических данных этноним – самоназвание народа, не имеющее хождения в русском языке.

Данные факты свидетельствуют о непоследовательности переименования народа: с одной стороны, предпринимались попытки ввести новый этноним в научной литературе, с другой – не осуществлялись мероприятия по его широкомасштабному внедрению в практику. Более того, топонимы, появившиеся в те годы, образовывались исключительно от слова *чукча*. При данных условиях этноним *луораветлан* не мог прижиться в русском языке и вытеснить этноним *чукча*.

Заключение

Попытка введения нового названия народа была обречена на неудачу. В лингвистическом поле предпринимались конкретные шаги по внедрению этнонима *луораветлан*; он попал в советский толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова. Во втором томе, вышедшем в 1938 г., отражены две формы этнонима – *луораветланы* и *ораветланы* – и дано следующее пояснение: «Палеоазиатская народность, населяющая Чукотский полуостров. [Прежнее название – чукчи.]»¹⁷; в четвёртом томе того же словаря слово *чукчи* объяснено таким об-

разом: «То же, что *луораветланы*»¹⁸, т. е. этноним *чукчи* маркирован в качестве второстепенного. Следует не согласиться с Д. Н. Ушаковым. Официальное использование термина *чукчи* на властном уровне (в законах, переписях населения и проч.), в хозяйстве и быту опровергает мнение учёного об отнесённости этнонима исключительно к прошлому, вынесенное им в фундаментальный лексикографический справочник советской эпохи; временной разрыв в словоупотреблении отсутствует.

Таким образом, попытка смены этнонима не увенчалась успехом ввиду несогласованности действий со стороны властей и научного сообщества. Ныне, как и века назад, *чукчи* именуется в русском языке *чукчами*.

В заключение следует сказать, что для науки целесообразно вводить новый этноним, когда граница между этническими группами проведена неточно или неясно, результатом чего может явиться отнесение в одну общность разных племён и народов. Так было в случае с эскимосами, когда заимствованным у европейцев термином стали именовать тех, кого до начала XIX в. терминологически смешивали с *чукчами*. Имело смысл вводить новый этноним и для эвенов, чтобы не путать их с эвенками. В отношении *чукчей* практической необходимости в смене наименования в русском языке не было, попытка введения этнонима *луораветлан* носила конъюнктурный характер.

Литература

1. Нефёдкин А. К. Очерки военно-политической истории Чукотки (начало I тыс. н. э. – XIX в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. 368 с.
2. Оглоблин Н. Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII века // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. CCCXXXVII. 1903. Май. С. 38–62.
3. Богораз В. Г. Чукчи. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК, 1934. Ч. 1. XXX+192 с.
4. Неопубликованные материалы по истории Чукотки XVIII века / издание подг. А. К. Нефёдкин. СПб.: Лема, 2016. 396 с.
5. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1755. Т. 2. 319 с.
6. Муравьёва И. А. Алюторский язык как представитель чукотско-камчатской семьи языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. № 3. С. 218–244.
7. Пупынина М. Ю. Чукотский язык: география, говоры и представления носителей о членении своей языковой общности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. № 3. С. 245–260.
8. Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.
9. Краткий путеводитель по выставке «Чукотское общество» / сост. В. Г. Богораз-Тан. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 24 с.
10. Аргентов А. И. Описание Николаевского Чаунского прихода // Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1857. Кн. 3. С. 9–106.
11. Аргентов А. И. Путевые записки. 2-е изд. Н. Новгород: Типография Ройского и Душина, 1886. 48 с.

¹⁷ Толковый словарь русского языка: в IV т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. Т. II. Стб. 97.

¹⁸ Толковый словарь русского языка: в IV т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. Т. IV. Стб. 1305.

12. Аргентов А. И. Северная земля // Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб.: В типографии В. Безобразова и Комп., 1861. Кн. 2. С. 1–34.
13. Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершённое в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля. СПб.: В типографии А. Бородина и К^о, 1841. Ч. 1. 360 с.
14. Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекции Н. Л. Гондатти, находящейся в Этнографическом музее Императорской Академии Наук. СПб., 1901. 67 с.
15. Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. Образцы народной словесности чукоч. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1900. XXXVI+417 с.
16. Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, её экономического состояния и быта населения. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1896. VIII+223 с., 1 л. карт.
17. Нефёдкин А. К. Военная культура чукчей (середина XVII – середина XX в.). СПб.: Лема, 2017. 456 с.
18. Бурькин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона. Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 224 с.
19. Вахтин Н. Б. Языковые контакты и русско-эскимосская грамматическая интерференция // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. № 3. С. 346–361.

INSIGHT INTO THE LINGUISTIC HISTORY OF THE ETHNONYM "CHUKCHA"

Mikhail S. Teikin ^{a, @, ID}

^a North-Eastern State University, 13, Portovaya St., Magadan, Russia, 685000

@ teikin-ms@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-3545-3192>

Received 18.04.2018. Accepted 12.09.2018.

Keywords: Luoravetlan, Oravetlan, peoples of the North, common ethnonyms, regional ethnonyms, changes of ethnonyms, North-East of Russia, Chukotka

Abstract: Peoples of the North, though small-numbered, often obtain not one, but several names, which have the different frequency of use: they are self-names of specific groups and names given by their neighbours. The article deals with the evolution of the graphical depiction of the ethnonym *Chukchi* from the moment of its first appearance in documents of the mid-XVI century up to the final fixation of its spelling in the early XIX century's legislation acts. The article also features the matter of regional Chukchi's names and explains why the Russian language adopted this very ethnonym. The paper focuses on the peculiarities of the case inflection of the word *Chukchi* in the recent past. The author investigates the attempt to rename Chukchi to Luoravetlans, which the Soviet regime undertook in the pre-war period when many ethnonyms of the USSR peoples were changed, and explains why the new name did not take roots.

For citation: Teikin M. S. Ekskurs v lingvisticheskuiu istoriiu etnonima "chukcha" [Insight into the Linguistic History of the Ethnonym "Chukcha"]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2018): 247–254. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-4-247-254>

References

1. Nefedkin A. K. *Oчерки voенно-polитической истории Чукотки (начало I тыс. н. е. – XIX в.)* [Military history of Chukotka from the early 1st millennium to the XIX century]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2016, 368.
2. Ogloblin N. Vostochno-Sibirskie poliarnye morekhody XVII veka [East Siberian Polar seafarers of the XVII century]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia = Ministry of People Enlightenment Journal*, part CCCXXXVII (1903, May): 38–62.
3. Bogoraz V. G. *Chukchi* [Chukchi]. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK, part 1 (1934): XXX+192.

4. *Neopublikovannyye materialy po istorii Chukotki XVIII veka* [Unpublished materials on Chukotka history of the 18th century]. Publication prepared by Nefedkin A. K. Saint-Petersburg: Lema, 2016, 396.
5. Krasheninnikov S. P. *Opisanie zemli Kamchatki* [Depiction of Kamchatka Land]. Saint-Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, vol. 2 (1755): 319.
6. Muravyova I. A. Aliutorskii iazyk kak predstavitel' chukotsko-kamchatskoi sem'i iazykov [Aliutor as a member of the Chukchi-Kamchatkan language family]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy = Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, no. 3 (2013): 218–244.
7. Pupynina M. Yu. Chukotskii iazyk: geografiya, govory i predstaveniia nositelei o chlenenii svoei iazykovoi obshchnosti [The Chukchi language: geography, varieties and speakers' attitude towards their dialectal variation]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy = Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, no. 3 (2013): 245–260.
8. *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Ed. Levin M. G., Potapov L. P. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956, 1084.
9. *Kratkii putevoditel' po vystavke «Chukotskoe obshchestvo»* [Brief guide to Chukchi Society Exhibition]. Comp. Bogoraz-Tan V. G. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1934, 24.
10. Argentov A. I. *Opisanie Nikolaevskogo Chaunskogo prikhoda* [Depiction of Nikolayevsk Chaun parish]. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Papers of Siberian Department of Imperial Russian Geographical Society]. Saint-Petersburg: V tipografii Eduarda Pratsa, book 3 (1857): 79–106.
11. Argentov A. I. *Putevye zapiski* [Travel notes]. 2nd ed. Nizhny Novgorod: Tipografiya Roiskogo i Dushina, 1886, 48.
12. Argentov A. I. *Severnaia zemlia* [The Northern Land]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Papers of the Imperial Russian Geographical Society]. Saint-Petersburg: V tipografii V. Bezobrazova i Komp., book 2 (1861): 1–34.
13. Wrangell F. P. *Puteshestvie po severnym beregam Sibiri i po Ledovitomu moriu, sovershennoe v 1820, 1821, 1822, 1823 i 1824 gg. ekspeditsiei pod nachal'stvom flota leitenanta Ferdinanda fon Vrangelia* [Journey over the Northern Coasts of Siberia and Arctic Ocean, made in 1820, 1821, 1822, 1823, and 1824 by the expedition under the guide of lieutenant of the fleet Ferdinand von Wrangell]. Saint-Petersburg: V tipografii A. Borodina i K°, part 1 (1841): 360.
14. Bogoraz V. G. *Ocherk material'nogo byta olennykh chukchei, sostavlennyi na osnovanii kolleksii N. L. Gondatti, nakhodiashcheisia v Etnograficheskom muzee Imperatorskoi Akademii Nauk* [Essay of Reindeer Chukchi material household, composed on the basis of N. L. Gondatti's collection kept in the Museum of Ethnography of the Imperial Academy of Sciences]. Saint-Petersburg, 1901, 67.
15. Bogoraz V. G. *Materialy po izucheniiu chukotskogo iazyka i fol'klora, sobrannyye v Kolymskom okruge. Ch. 1. Obraztsy narodnoi slovesnosti chukoch* [Materials for the Chukchi Language and folklore study collected in the Kolyma Okrug. Part 1. Samples of Chukchi folk literature]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1900. XXXVI+417.
16. Olsufyev A.V. *Obshchii ocherk Anadyrskoi okrugi, ee ekonomicheskogo sostoiianiia i byta naseleniia* [General essay on Anadyr District, its economic condition and dweller's household]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1896, VIII+223.
17. Nefedkin A. K. *Voennaia kul'tura chukchei (seredina XVII – seredina XX v.)* [Chukchi Warfare (the mid-17th to the mid-20th century)]. Saint-Petersburg: Lema, 2017, 456.
18. Burykin A. A. *Istoriko-rtnograficheskie i istoriko-kul'turnye aspekty izucheniia onomasticheskogo prostranstva regiona. Ocherki po toponimike i etnonimike Vostochnoi Sibiri* [Historical-ethnographic and historical-cultural aspects of onomastic space studies of the region. Essays on toponyms and ethnonyms of Eastern Siberia]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006, 224.
19. Vakhtin N. B. Iazykovye kontakty i rusско-eskimosskaia grammaticheskaiia interferentsiia [Language Contacts and Russian-Yupik grammatical interference]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy = Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, no. 3 (2013): 346–361.